

ПРЕСТУПНЫЕ
КАМНИ

Лучшие детективы о драгоценностях

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Вилла
розовых ангелов

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

Леонтьев, Антон Валерьевич.
Л47 Вилла розовых ангелов : [роман] / Антон Леонтьев. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Преступные камни. Лучшие детективы о драгоценностях).

ISBN 978-5-04-101509-1

Дочери лорда Сент-Джеймса Регине казалось, что ее жизнь кончена. Дядя с мачехой погубили всю ее семью, недавно представленную ко двору французского короля, а саму девушку продали в рабство! Ей чудом удалось сбежать из плена и присоединиться к пиратам...

Оля Данилина совершенно не планировала сразу после защиты диссертации мчаться в Испанию. Но там таинственно исчезла ее сестра — бесшабашная Лорка, с которой вечно что-то случается. Поиски привели к тому, что... за Олей начали охотиться бандиты! Вообще-то им нужна Лорка, скрывшаяся со старинной картой острова, где якобы зарыла награбленные сокровища легендарная пиратка Регина Сент-Джеймс...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101509-1

© Леонтьев А. В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

...Остальная часть клада — серебро в слитках и оружие — все еще лежит там, где ее зарыл покойный Флинт. И, по-моему, пускай себе лежит. Теперь меня ничем не заманишь на этот проклятый остров. До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос капитана Флинта: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!»

*Р.Л. Стивенсон.
«Остров сокровищ»*

ПРОЛОГ

1707 год,

**испанское вице-королевство
Коста-Вьянка (Южная Америка)**

Регина прибыла в Эльпараисо в день казни Эдуардо. Та апрельская среда выдалась хмурой и дождливой. Площадь, на которой возвышалась громада мраморного кафедрального собора Богородицы, была оцеплена вооруженными до зубов солдатами. Желających поглазеть на казнь Одноглазого гнали через западные ворота, причем мужчин отсеивали, разрешая проходить в первую очередь женщинам, подросткам и старикам.

Вырядившись в рваное платье, прикрыв лицо клетчатой шалью, Регина, сгорбившись, изображая старуху, направилась к воротам. Стражники, окинув ее беглым взором, разрешили пройти на площадь.

Любопытных было великое множество. Еще бы, ведь казнили не какого-нибудь убийцу, фальшивомонетчика или растлителя малолетних, а легендарного пирата, который всего несколько недель назад завладел золотом вице-короля Коста-Вьянки.

Регине удалось протолкнуться к эшафоту. До нее долетали обрывки разговоров, которые вели праздные зеваки: вот, мол, и поделом морскому разбойнику, поджарят его, как свинью, на костре, даже пепла не останется!

Эдуардо надлежало казнить посредством сожжения — огромная куча дров и вымазанный дегтем шест были хорошо видны любому и каждому. Раздался звук горна — ворота закрыли, и более никто не мог покинуть площадь или проникнуть на нее: граф Оливарес хотел, чтобы казнь Одноглазого прошла без досадных происшествий и, не дай бог, попыток освободить пирата.

Около дровяной кучи появились стражники, впереди коих шествовал облаченный в пурпурную сутану прелат. Он гнусавым голосом зачитал приговор, вынесенный Эдуардо инквизицией.

— За многочисленные богомерзкие преступления, направленные против христианской веры и лично его преосвященства архиепископа Эльпараисского, а елико грабеж, убийства и прочие поганые деяния, кои были внушены подсудимому дьяволом, приговорен он был к очистительной казни на костре. Господь да смилостивится над его душой, аминь!

Регина, сжав кулаки и закусив губу, видела, как стражники выволокли ее любимого. Лицо его, бледное и спокойное, выражало неимоверное презрение к происходящему и собственной смерти. Эдуардо подвели к шесту, приковали к нему цепями. Прелат, подойдя к осужденному, пискливо спросил:

— Признаешь ли ты сейчас себя виновным, сын мой? Ты отказался сознаться в соучастии с адскими силами. Пока всемилостивейший Господь дарует тебе возможность, покайся и очисти душу свою! Ибо в противном случае тобой завладеют бесы, и ты отправишься прямоком в ад!

Эдуардо плюнул в мучнисто-серое лицо прелата, и народ, собравшийся на площади, захохотал. Пират раскатисто произнес:

— Я виновен только в том, что не утопил тебя, лживая крыса, вместе с фарисеем-архиепископом, когда была возможность.

— Начинайте! — завизжал, отскакивая от шеста, священник.

Два стражника подпалили кучу хвороста справа и слева, и моментально вспыхнуло пламя, повалили густые клубы дыма. Регина бросила последний взгляд на Эдуардо, прикованного к столбу. Дым заволок место казни. Регина, цепenea, опустила голову.

Граф Оливарес, облаченный в роскошный адмиральский мундир, расположился под балдахином неподалеку, рядом с тронном, на котором восседал вице-король.

Стражники, подгоняемые криками прелата, суетились, подбрасывая в огонь дров и вязанки хвороста. Регина потеряла счет времени. Когда пламя потухло и дым рассеялся, глазам публики предстало черное пепелище. Священник, раскрыв псалтырь, бубнил молитву, один из стражников, разбрасывая дымящиеся угли копьем, поддел что-то острием и, подняв над головой, завопил:

— Эдуардо Одноглазый сгорел, как и подобает нечестивому грешнику! Вот его сердце!

Горожане заволновались, Регина увидела обугленный бесформенный кусок мяса и, тихо вскрикнув, потеряла сознание. Эдуардо, ее любимый, был мертв.

О том, что ее сестра исчезла, Ольга узнала в день защиты диссертации. Тот декабрьский четверг начался суматошно. Оля до половины второго ночи вычитывала текст своей речи, а будильник прозвенел в половине шестого. Оля с трудом открыла глаза и, ощутив головную боль, подумала: ей предстоит, как говорил ее научный руководитель, профессор Милославский, сорок минут позора, а затем бессмертие у нее в кармане.

В спальню дочери заглянула Нина Сергеевна и тревожным голосом произнесла:

— Дочка, тебе пора вставать!

Оля и сама знала, что день предстоит долгий и сложный. Она быстро поднялась и отправилась в ванную комнату. Приняв холодный душ, вошла на кухню: на столе ее ждал большой бокал, полный ароматного кофе, и тарелка с оладьями, приготовленными заботливой мамой. Но есть не хотелось.

— Оленька, отчего же ты совсем ничего не кушаешь? — с тревогой произнесла Нина Сергеевна.

Оля отметила, что мама нервничает больше, чем она сама. Выпив только кофе и взглянув на часы, сказала:

— Мамочка, у меня кусок в горло не лезет!

— Но тебе же потребуется много сил! — вздохнула Нина Сергеевна и добавила: — Ох, уж эта треклятая диссертация... Столько мучений — и ради чего!

Оля вспомнила события последних месяцев: ссору с научным руководителем; его почти увенчавшуюся успехом попытку отчислить ее из аспирантуры

под надуманным предлогом и необычайно быстрое решение ректора — новым руководителем аспирантки Данилиной О.А. назначается профессор Милославский, враг номер один предыдущего ментора; весть о том, что защита состоится в середине декабря (узнала она об этом в конце сентября); бессонные ночи, в течение которых она полностью переработала текст диссертации, подготовку к экзамену по специальности, предзащиту... Она сама не верила, что все это случилось с ней всего лишь за последние два с половиной месяца. Обычно на то, что ей пришлось сделать в столь короткий срок, другим требуется год, а то и два.

— Да хотя бы ради того, мамочка, чтобы доказать моему бывшему научному руководителю, что солнце вертится не вокруг его смешной персоны и не все происходит согласно его желаниям, — ответила Оля.

Времени на долгие разговоры не было. Ольга снова отправилась в крошечную ванную чистить зубы. В половине седьмого (на дворе стояла непроглядная темень — еще бы, на календаре семнадцатое декабря) Оля и Нина Сергеевна, одетые в шубы, ждали звонка домофона...

— Присядем на дорожку! — провозгласила Нина Сергеевна.

Оля заметила на глазах мамы слезы. Девушка обняла Нину Сергеевну и сказала:

— Ну, не беспокойся, прошу тебя! Я уверена в том, что все пройдет хорошо!

Нина Сергеевна быстро ответила:

— В тебе, дочка, я не сомневаюсь, но как быть с твоим бывшим научным руководителем? Ведь он входит в ученый совет, члены которого будут голосовать за присуждение тебе степени. А голосование-то тайное! Наверняка «дорогой и любимый» приложит все силы, чтобы убедить как можно большее число своих коллег голосовать против!

— Я в этом не сомневаюсь, — с легкой улыбкой и замершим сердцем ответила Оля. — Лев Миронович известен своей злопамятностью. А кроме того, он считает себя невинной жертвой во всей этой истории.

— Тоже мне жертва! — всплеснула руками Нина Сергеевна. — Профессор, доктор наук, он отыскал себе достойного соперника — собственную аспирантку! Два года нахвалиться на тебя не мог, всем в пример ставил, своей правой рукой

почитал, но как только ты характер проявила, так прилюдно заявил, что ты — лентяйка и бездельница, а на заседании кафедры протолкнул решение о твоей неаттестации. Причем все твои так называемые друзья, как один, поддержали это нелепое и хамское постановление!

— Мама, во-первых, Лев Миронович хоть и доктор наук, но не профессор, а доцент, — произнесла Оля. — Правда, он предпочитает, чтобы его именовали профессором. Еще бы, ведь срам-то какой: доктор наук и доцент! А во-вторых, на тех, кто отводил глаза и голосовал так, как ему хотелось, не пытался сказать правду или хотя бы возразить моему бывшему руководителю, я не в обиде: им ведь еще работать в университете, лямку на кафедре тянуть, так почему же они должны ломать собственную карьеру, защищая меня? Им детей кормить надо и о себе думать, а не о какой-то аспирантке Оле Данилиной!

Нина Сергеевна печально покачала головой: участковый врач-терапевт, она не терпела несправедливости в отношении кого бы то ни было. И уж тем более в отношении к собственной дочери.

Мама и дочка помолчали несколько секунд. Раздалась трель звонка, и Нина Сергеевна подскочила:

— С богом, доченька!

— Мамочка, — обняла Нину Сергеевну Оля, — уверяю тебя, если Льву Мироновичу не удалось воспрепятствовать мне выйти на защиту, а ты сама знаешь, что он оказался чрезвычайно изобретательным и использовал все приемы — дозволенные, а по большей части недозволенные, — то теперь, в день защиты, бояться нечего!

Звонок домофона означал, что машина их ждет. Нина Сергеевна договорилась с одним из своих знакомых, владельцем старенького «Москвича», о том, чтобы он на протяжении всего дня выступал в роли шофера. Пришлось, конечно, заплатить, зато транспортная проблема была решена.

Нина Сергеевна и Ольга вышли из квартиры и подошли к лифту. Оля пошутила:

— Мама, представь, что мы сейчас застрянем, что тогда? Защиту придется переносить в связи с тем, что я сижу где-то между пятым и шестым этажом?

Двери лифта со скрежетом распахнулись, одинокая туск-

лая лампочка под потолком кабины освещала изрисованные стены. Нина Сергеевна, взяв дочь за руку, решительно произнесла:

— Пойдем пешком!

— Ты что, мама! — воскликнула Ольга. — Мы ведь живем на восьмом этаже, а нас ждут!

Несколько минут спустя мать с дочерью вышли из подъезда и заметили невдалеке темный автомобиль. Шофер, приветствуя их, просигналил. Расположившись на заднем сиденье, Оля прикрыла глаза, а затем в очередной раз раскрыла сумку и проверила, на месте ли папка с речью. В те несколько часов, которые она провела в тревожном сне, ей виделась какая-то ерунда. Почему-то запомнилось лицо сводной сестры Лорки: она куда-то бежала по диковинному лесу, словно спасаясь от преследователей.

«Москвич» тронулся с места, в салоне воцарилось молчание — каждый думал о своем. Путь до университета предстал неблизкий.

2

Город Нерьяновск в начале двадцатого века был замшелым местечком, одним из провинциальных гнездышек на берегу Волги. С приходом советских времен все разительно переменялось: старинные церквушки, купеческие хоромы в псевдоготическом стиле и деревянные избы были сметены с лица земли, и на их месте возвели корпуса одного из самых крупных в мире тракторных заводов. В войну город был практически до основания разрушен, но еще до победы, после того, как захватчики покинули пепелище, начались работы по восстановлению Нерьяновска. Облик города стал совсем иным: появилась большая каменная набережная с огромной, в четыре пролета, лестницей к реке, широкие проспекты, дома, украшенные ликами вождей.

А в 1962 году Нерьяновск обрел и новое имя — Болотовск. Так было увековечено имя уроженца города Ивана Арсеньевича Болотова, члена ЦК КПСС. Иван Арсеньевич, покинув Нерьяновск еще юношей, с тех пор так и не бывал на своей родине, однако к его пятьдесят пятому дню рождения генсек

Хрущев решил сделать приятное одному из своих верных друзей и соратников. Иван Арсеньевич был до слез тронут и даже почтил город коротким однодневным визитом. История умалчивает, изменил ли товарищ Хрущев свое мнение о «верном друге Ване» два года спустя, когда Иван Арсеньевич оказался одним из инициаторов переворота, приведшего к отставке и опале его благодетеля. Новый генсек чрезвычайно благоволил к Болотову — тот, как никто другой, умел рассказывать пикантные анекдоты, которых знал сотни, если не тысячи, был отличным охотником, да и пить умел, как настоящий русский мужик. Этого вполне хватило, чтобы в начале семидесятых Болотов был назначен министром энергетики, а через несколько лет — первым заместителем председателя Верховного Совета СССР.

В город, носящий его имя, Иван Арсеньевич больше не приезжал (в кругу приближенных он именовал родимое местечко «грязной дырой»), однако оказал протекцию группе ученых, которые посетили его в конце семидесятых. Представители элиты Болотовска загорелись идеей открыть университет: население достигло восьмисот пятидесяти тысяч, имелись педагогическое и медицинское училища, высшая музыкальная школа, политехнический и сельскохозяйственный институты, а вот университета в городе не было!

Престарелому Ивану Арсеньевичу польстило то, что ученые мужи ходатайствовали не только об открытии нового учебного заведения, но и о присвоении ему его имени. Болотов обещал помочь и не обманул — в 1981 году было решено: университету в городе быть. Правда, торжественное открытие вуза состоялось уже после смерти могущественного аппаратчика. Иван Арсеньевич ненадолго пережил «своего друга Леню» и скончался в апреле 1983 года. В начале года старший сын Болотова, заместитель министра внешней торговли, был обвинен в хищениях, арестован и предстал перед судом. Не понимая наступивших времен и проклиная нового руководителя страны и партии, Иван Арсеньевич, за несколько месяцев до того смещенный с поста заместителя председателя Верховного Совета, попытался попасть на прием к генсеку Андропову. Тот согласился принять его, но, когда Болотов прибыл в Кремль, ему пришлось провести больше трех часов в приемной. Раньше «старый друг Леня» сам бы

вышел к нему, по-братски обнял, и за бокалом раритетного французского коньяка все проблемы были бы улажены в течение четверти часа. Новый генсек не пил, скабрзные анекдоты терпеть не мог и всенародно объявил о том, что собирается искоренить мздоимство и злоупотребление служебным положением.

Когда молодой секретарь, который раньше, лебезя перед Болотовым, бросался выполнять каждое его желание, недовольным голосом объявил, что «Юрий Владимирович вас принять не может», старик ощутил тупую боль в сердце. С трудом шевеля языком, он спросил:

— А когда? Я подожду столько, сколько надо. Может быть, завтра или послезавтра? Мой сын...

И секретарь нагло ответил:

— Товарищ Болотов, вам самое время отправиться домой. У Юрия Владимировича не будет времени для вас ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра!

После этих слов у Болотова, который понял, что генсек никогда не станет для него «другом Юрой», потемнело в глазах и зазвенело в ушах. Иван Арсеньевич, потеряв сознание, повалился на бордовую ковровую дорожку. Его в спешном порядке доставили в Центральную кремлевскую больницу, где он скончался ранним утром следующего дня в полном одиночестве. Основные газеты страны вопиюще замолчали факт смерти «выдающегося политического деятеля, дважды Героя Советского Союза, кавалера ордена Славы трех степеней...» и прочая, прочая, прочая. Болотову было отказано в погребении не только у Кремлевской стены, но и на престижных столичных кладбищах. Упокое он нашел в родном и столь нелюбимом им Болотовске.

Впрочем, несколько лет спустя, в конце восьмидесятых, с карты исчезло и это имя: город снова стал Нерьяновском, а посещение могилы Ивана Арсеньевича — с мраморным бюстом, перед которым всегда были живые цветы, возлагаемые молодоженами, — вышло из моды. О некогда всесильном члене ЦК просто-напросто забыли. Единственное, что напоминало об Иване Арсеньевиче, так это государственный университет, открытый с его помощью.

Именно туда в четверг, семнадцатого декабря, и направлялись Оля Данилина и ее мама Нина Сергеевна. Данилины

обитали на южной окраине Нерьяновска, и им понадобилось почти полчаса быстрой езды, чтобы оказаться перед бетонно-мраморным зданием университета. Гигантский бронзовый градусник на фронтоне показывал минус девятнадцать, стрелки огромных часов замерли на пяти минутах восьмого.

3

Оля выпрыгнула из машины и дала маме наказ:

— Не забывай, что заседание ученого совета начнется в десять.

— Я все поняла, дочка! — ответила Нина Сергеевна. — Доставим твоих оппонентов в университет, можешь не сомневаться!

Ольга знала, что мама приложит все силы для того, чтобы выполнить возложенное на нее поручение. Ей самой требовалось обсудить с профессором Милославским кое-какие вопросы и присутствовать на первой защите: в тот день их было назначено три, и ее собственная шла под номером два. Один из оппонентов, пожилая дама, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой, прибыла в Нерьяновск из Ярославля. Ольга сама встретила ее накануне на вокзале, проводила в гостиницу и пообещала, что на следующий день авто доставит профессоршу в университет к первой защите. Для этого и требовался автомобиль, а Нина Сергеевна специально взяла отгулы, чтобы обеспечить бесперебойную доставку, а затем отправку ученых дам по домам. Вторым оппонентом была кандидат наук и доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в местной сельскохозяйственной академии. Но она сломала не так давно ногу и теперь передвигалась с трудом. Самостоятельно добраться до университета, расположенного в отдаленной части Нерьяновска, да еще в декабре, когда улицы покрыты снегом и льдом, было для женщины затруднительно. Да и неписанные законы повелевали аспиранту, выходящему на защиту, привезти-увезти, накормить-одарить и долго-долго благодарить оппонентов, согласившихся дать рецензии на диссертацию и лично зачитать их на заседании ученого совета. Посему

Нина Сергеевна и выступала в почетной роли администратора-распорядителя.

Оля знала, что положиться на маму она может, как на саму себя. Нина Сергеевна горячо любила единственную дочь, сердечно переживала за нее, когда узнала о конфликте с первым научным руководителем, и, несмотря ни на что, оптимистично смотрела в будущее, заявляя: «Мы, Овны, боремся до победного конца!» Оля поднялась по засыпанной снегом мраморной лестнице и подошла к дверям университетского здания. Охранник удивленно посмотрел на высокую темноволосую девушку с зелеными глазами и испуганным-печальным выражением лица и произнес добродушно:

— Ты чего так рано? Ведь семь еще только, а занятия начинаются в половине девятого. Или приехала зачет пересдавать?

Оля тяжело вздохнула — ничего себе, она, кажется, производит впечатление нерадивой студентки! Ей требуется излучать уверенность в себе, но, похоже, этого у нее пока что не получается.

— Ну проходи, проходи, чего топчешься, — продолжил охранник.

Оля проскользнула мимо него и поспешила на четвертый этаж, в корпус Б, где располагалась кафедра теории и практики перевода, аспиранткой которой она являлась. Коридоры университета были пустынные, только вдалеке уборщицы гремели ведрами. Около двери кафедры горел красный огонек сигнализации — разумеется, в такую рань никого еще не было. Первые студенты и преподаватели начнут подтягиваться к восьми часам, а основной контингент появится минут в двадцать девятого, когда придут автобусы с доцентами и профессорами.

Ольга сняла шубку, оставшись в строгом сером костюме. Глава диссертационного совета, профессор, известный филолог, член Совета по проблемам русского языка при президенте России, была дамой строгих правил, посему экстравагантные одеяния на защите не поощрялись. Оля уселась на большой подоконник и, вынув из сумки свою речь, в очередной раз принялась ее просматривать. Выступать нужно было, читая текст, однако не уставившись в листки, а свободно. С другой стороны, тех, кто выучивал выступление на-